

УДК 29

DOI: 10.34670/AR.2020.45.5.003

**Влияние византийско-европейского толкования
мусульманской религиозности на древнерусскую литературу
об исламской цивилизации (по М.А. Батунскому, том I)**

Абдуллаева Сабина Шихсеидовна

Ассистент-преподаватель,
кафедра философии и религиоведения,
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
600000, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, 87;
e-mail: amirseiidova@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается византийско-европейское толкование мусульманской религиозной системы в собирательно-терминологическом контексте с опорой на научный труд известного российского исламоведа, историка и философа Марка Абрамовича Батунского (1933-1997 гг.) «Россия и ислам, том I», где автор описывает ислам с точки зрения его академического восприятия образа, что помогает «осмыслить ситуацию в иных терминах...» (по словам М.А. Батунского), т. е. в системе научных понятий, так как при тщательном изучении византийской и древнерусской противомусульманской литературы можно разглядеть спроектированный комплекс, рассчитанный на создание и последующую эволюцию «иллюзорного сознания», базирующегося на неоднократно возникающих атимусульманских стереотипах. В начале статьи рассматривается терминология среднегреческого образа мусульманской идеологии, далее представлен краткий средневековый взгляд европейских писателей на концепцию ислама, в конце статьи исследуется древнерусская летописная терминология об исламской религиозности, что помогает выявить одну из основных причин возникновения «негативной» и «чужой» интерпретации ислама в древнерусской литературе.

Для цитирования в научных исследованиях

Абдуллаева С.Ш. Влияние византийско-европейского толкования мусульманской религиозности на древнерусскую литературу об исламской цивилизации (по М.А. Батунскому, том I) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 5А. С. 232-239. DOI: 10.34670/AR.2020.45.5.003

Ключевые слова

Ислам, византийская литература, европейская литература, полемисты, анти-мусульманская литература, интерпретация, понятие, древнерусская литература, образ.

Введение. Греко-византийский образ мусульман в терминологическом контексте

Арабистические знания греков и византийцев были достаточно скудны. В основном в своих работах они ограничивались малыми сведениями об исламской религиозности, которые были сильно искажены. Тем самым в средневековой Европе (*Medieval Europe*) возник некий несуществующий в реальности образ ислама и «сарацина». Впоследствии некоторые искаженные черты, иногда даже в более неестественной форме, проникали из Византии на Русь [Батунский, 2003, т. I, 59].

В полемической литературе Византии, как отмечалось выше, термин «сарацин» понимался как «лишенные Саррой», т. е. первой женой библейского пророка Авраама. Но в соответствии с современной научной интерпретацией данное понятие имеет другое значение. Универсальная научно-популярная интернет-энциклопедия «Кругосвет» дает следующее определение понятию «сарацин»: это название, употреблявшееся в IV в. по отношению к бедуинам, живущим вдоль границ Сирии. В Средние века «сарацинами» называли арабов и всех мусульман. Этот термин обычно используется современными историками в отношении населения мусульманской империи в период до турецких завоеваний, т. е. со времен Мухаммеда до конца правления династии Аббасидов (*the Abbasid dynasty*) [Сарацин, www].

В интернет-словаре «Академик» дается следующее описание: сарацины (греч. «восточные люди») – народ, упоминаемый древнеримскими историками IV в. Аммианом Марцеллином и Птолемеем. Кочующее разбойническое племя, бедуины, жившие вдоль границ Сирии. Со времени крестовых походов европейские авторы стали называть «сарацинами» всех мусульман, часто используя в качестве синонима термин «мавры» – *Moorish* (мавританский – *mauritanian*) (люди, исповедующие ислам) [Сарацины, www].

Согласно определению, данному в Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой, сарацинами античные писатели называли арабское население северо-западной Аравии, а в Средние века европейцы считали сарацинами всех арабов и на некоторые народы Ближнего Востока [Евгеньева, www].

В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (1935-1940 гг.) указано, что сарацины (сарацины старин.) у античных историков – кочевое дикое племя в Аравии. В языке средневекового рыцарства и крестоносцев – мусульмане вообще [Ушаков, www].

Характерной особенностью изучения и отбора иноконфессионального материала в период Древней Руси было специфическое сопоставление достоверных фактов и недостоверных домыслов, которые строились на разнообразных слухах, «досузей фантазии поэтов сказителей, игре собственного воображения хронистов или их информаторов», отчасти заимствованных из Византии [Батунский, 2003, т. I, 59]. Необходимо отметить, что в византийской полемической церковной литературе в отношении ислама использовались не только такие общие собирательные термины, как «религия» (θρησκεία), «вера» (πίστις) или «почитание» (σέβας), но и «ересь» (αἵρεσις), когда, к примеру, говорилось про последователей «лжепророка Мухаммеда (Μάμεδ)» («агарян», «измаильтян», «сарацин»), который «случайно познакомился с Ветхим и Новым Заветом, сходным образом, говорят, общался с арианским монахом, [после чего] составил собственную ересь» [Максимов, www].

Следует заметить, что не только византийская элита (*the Byzantine elite*) обладала «информационной властью», способной распространять лишь только выгодную для себя информацию, но и многие другие аристократические группы ученых, которые в основном

имели об исламе искаженную информацию, отличную от реальности, тем самым вводимую в общественное сознание с «характерным для него духом мифологизма» и непознаваемости. При точном изучении византийской и древнерусской антимусульманской (противомусульманской – *anti-Muslim*) литературы (ее идеологического содержания, методики изложения, техники внушения и т. д.) можно увидеть некий спроектированный комплекс, рассчитанный именно на создание и развитие «иллюзорного сознания» (*illusory consciousness*), которое базировалось на неоднократно возникающих противомусульманских стереотипах. Данный образ разделял мир на две противоположные категории, «знакомые» – *familiar* (англ. «хорошо знакомый») (синоним «хорошего») и «незнакомые» – *unfamiliar* (англ. «малознакомый», даже в некоторых случаях странный – *strange*) (синоним «плохого»), что включает в себя определенное количество предвзятых умозаключений в отношении группы или категории людей, причем эти умозаключения довольно сильно «генерализованы и эмоционально окрашены» [Батунский, 2003, т. I, 59-60].

Краткий средневековый взгляд европейских писателей на концепцию ислама

Также следует подчеркнуть, что на всестороннее восприятие ислама в средневековый период влияло не только богословское описание исламской религиозности, но и ее описание со стороны писателей того периода. Французский поэт Турольд (конец XI – начало XII в.) в своем произведении «Песнь о Роланде» (фр. *La Chanson de Roland*) о врагах мусульманах повествует так:

«Вот Аполлена стал эмир молить
И Тервагана, Магомета с ним
"Я вам служил, кумиры ваши чтить.
Из золота я их велю отлить
[Лишь помогите Карла победить]"» [Песнь о Роланде, www].

Прочитав эти строки, отчетливо видим достаточно распространенное мнение европейского народа тех времен, согласно которому мусульмане – язычники и поклоняются идолам, тем самым Магомет, Терваган и Аполлен являются злодейской троицей сарацин, которую можно противопоставить христианской Троице. Данные идолы часто упоминаются во французском героическом эпосе (*French heroic epic*).

Несмотря на достаточно критическое отношение к исламу в средневековой Европе, существовало также и испанское восторженное расположение к исламу (*Spanish enthusiasm for Islam*), отразившееся в Андалусской литературе (*Andalusian literature*), так как более семи веков (VIII – XV в.) Испания была мусульманским государством – Аль-Андалус (араб. الأندلس). Мусульманская Испания (*Muslim Spain*) IX в. стала украшением почти всей Европы со столицей Кордова (исп. Cordoba ['kordoba]), не только в эстетическом, но в интеллектуальном направлении. В Андалусии (*Andalusia*) стремительно развивались наука и поэзия, тем самым Кордова стала мыслительным и духовным центром Европы, откуда Средневековая Европа получила технологическое, научное и религиозное наследие исламского мира. Частично арабизированное испанское коренное население впоследствии достаточно хорошо восприняло арабский язык, который стал не только языком общения в мусульманской Испании, но и языком науки и литературы. На культурное развитие Андалусии благоприятно отразилась широкая связь с восточными областями Халифата, а также влияние культурных традиций покоренного

испано-романского населения страны (*Spanish-Romanesque population*). Вместе с завоевателями в Испанию проникла и арабская литература, на определенном этапе отпочковавшаяся от литературы восточных областей Халифата и начавшая свою собственную жизнь [Арабская литература..., www]. Именно слияние арабской и испанской литературы в период мусульманского правления в Испании зародило красивый и поэтичный слог Андалусии. Ислам в данном слоге не воспринимался «чуждым», «незнакомым», т. е. «плохим». Наоборот, он стал частью испанской литературы – «знакомым» (исп. *conocido, familiar*), а потому «хорошим» (исп. *bueno*) начиная со Средневековья и до современного времени.

Древнерусская летописная терминология об исламской религиозности

В Повести временных лет (около 1110 – 1118 гг.) (далее – ПВЛ) ислам принимает образ княжеско-дипломатического описания (*the image of the Prince's diplomatic descriptions*) как самобытной и самосозидательной системы. Это великолепно было изображено в эпохальной, художественно-образной театральной сцене выбора князем Владимиром преимущественно подходящей для Руси веры (ПВЛ) [Батунский, 2003, т. I, 60]. Данное действие можно истолковать как своеобразный диалог, в результате которого «понимающая личность» (Владимир и, следовательно, языческая Русь) «благодаря встрече с другими “Я” (представителями трех монотеистических религий – иудаизма, ислама, христианства) изменяется и по-новому определяет себя» [Там же]. В 986 г. к Великому князю Киевскому Владимиру Святославовичу явились послы от народов, исповедующих различные веры, и убеждали его в превосходстве именно своей религии. В ПВЛ летописца Нестора отмечается: «Приидоша болгаре вѣры бохъмичи, глаголюще, яко “Ты князь еси мудръ и смыслень и не вѣси закона; да вѣруй въ законъ наш и поклонися Бохъмиту”» (в переводе на современный русский язык: пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету») [Повесть временных лет, www]. Выражение «вѣры бохъмичи» фиксирует уважительное и, говоря современным языком, политкорректное (*politically correct*) отнесение автором текста исповедания «болгар» к категориям «вѣра» и «закон», которые в тот исторический период характеризовали особый статус религиозности, а именно нормативную, принятую властями государства догматическую систему исповедания (*the dogmatic system of confession*), среди которых были тогда еще не разделенные анафемами «Ecclesia Catholica Romana» (Римская Католическая Церковь) и «Οικοουμενικό Πατριαρχείο Κωνσταντινουπόλεως» (Вселенский Патриархат Константинополя) [Аринин, Викулов, Атабеков, 2015, 103].

В ПВЛ «на тесном пространстве происходит трехкратная перемена». Вначале мусульмане («болгары магометанской веры») рассказывают Владимиру основу своего «закона» (*the origin of law*), делая акцент именно на его «похотливости» – *concupiscence*, так как предполагали, что русский князь («отменный женолюб») заинтересуется вероучением мусульманского пророка. Но вскоре слово берет Философ (христианин) и обвиняет ислам. В конце происходит итоговая речь князя, в которой он делает свой выбор, в соответствии с которым отчетливо видно всю моральную систему его перспективных оценок сознания и миропонимания в пользу христианского вероучения [Батунский, 2003, т. I, 61]. Используя понятие «магометанство», летописец Нестор ставит религию ислам наряду с другими «верованиями в Единого Бога» – *beliefs in Single God*, а не с «язычеством» – *paganism* и «лжеверием» – *false faith*. Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова дает следующее определение термину

«магометанство»: это религия, распространенная преимущественно среди тюркских народностей, то же, что и мусульманство. По имени основоположника этой религии Магомета, жившего в VII в. н. э. [Ушаков, www]. Согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, магометанство – старое название мусульманства (ислама) [Ожегов, Шведова, 1992, www].

Основная идея заключается в центральной обвинительной речи Христианина (Философа Константина) по отношению к исламу. Мусульманство характеризуется не с помощью религиозных терминов, а чисто «суггестивно», т. е. используется метод убеждающей коммуникации – убедительные, «чувственно-впечатляющие детали», не имеющие ничего общего с настоящим исламом, которые способны оказать самое отталкивающее чувство по отношению к описываемому предмету. Греческий Философ так говорит Владимиру о мусульманах: «Вера их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содомы и Гоморры, на которых напустил Господь горящий камень и затопил их, и потонули. Так вот и этих ожидает день гибели, когда придет Бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверны...» [Батунский, 2003, т. I, 62].

Причина возникновения «негативной» интерпретации ислама в древнерусской литературе

Постоянная «пролиферация» идеологами Византии искажения образа ислама сильно изувечила его и привела к такому состоянию, что у читателя (изучавшего мусульманство) исчезают всякого рода чувства к данной религии (даже негативные – ненависть, неуважение и т. д.), остается лишь пустое обмирание, что впоследствии приводит к дальнейшему непониманию любого интеллектуального, эстетического, эмоционального – вводимого в систему координат древнерусской культуры плода мусульманской цивилизации. Данная уничижительная межрелигиозная пропаганда со стороны Византии образовала стойкие преграды на пути конструктивного межконфессионального диалога (*interfaith dialogue*). Происходила подмена реальных фактов, спрятанных за некими занавесами, которые служили своеобразным защитным полотном от внешнего идеологического влияния, но данный занавес нес ненависть и презрение, что сильно «мешало щекотливой работе различения и индивидуализации во всем том, что именуется мусульманским миропониманием (*Muslim world understanding*)» [Там же].

Одной из самых главных причин «негативной», «нехорошей», «чужой» интерпретации ислама со стороны христианских полемистов послужило то, что «уже с самых первых веков христиане вынуждены были защищать Церковь от критики извне. Изначально двумя основными внешними оппонентами христианства выступали язычество и иудаизм. Со второго века мы имеем апологии и полемические диспуты христианских авторов, адресованные к первым (св. Аристид – др.-греч. Ἀριστείδης; Афинагор – греч. Πατριάρχης Ἀθηναγόρας, в миру Аристоклис Спир, греч. Αἰστωκλῆς Σπύρου, св. Феofil Антиохийский – греч. Θεόφιλος Ἀντιοχείας и др.) и ко вторым (св. Иустин Философ – греч. Ἰουστῖνος Φιλόσοφος), и, в свою очередь, полемику против христианства, отраженную в Талмуде и у языческих философов (Лукиан – греч. Λουκιανὸς τῆς Ἀντιοχείας, Цельс – лат. Celsus; греч. Κέλσος, Корнелий Фронтон – лат. Marcus Cornelius Fronto). Начиная с VII в., с момента появления ислама, христианам пришлось защищать веру перед лицом нового религиозного мировоззрения (*new religious ideology*)» [Максимов, 2012, 4]. Параллельно византийские теологи вели дискуссии со своими

иудаистскими и мусульманскими конкурентами. В их числе был один из создателей (наряду со своим братом Мефодием – в миру Константи́н по прозвищу Фило́соф) славянской письменности Кирилл (Константин Философ). В его Житии размещена повесть о диспуте со «скверными агарянами» – *bad Hagarites*, которые «воздвигли хулу на Единое Божество святой Троицы (*holy Trinity* – святая Троица)», что являлось типичной ситуацией для всей истории мусульманско-христианской дискуссии [Батунский, 2003, т. I, 63]. Необходимо отметить некоторые отрывки из текста Жития.

Мусульмане: «Видишь ли, Философ, дивное чудо, как Божий пророк Мухаммед, что принес нам благую весть от Бога, обратил многих людей (в свою веру) и все мы держимся его закона, ни в чем (его) не нарушая. Вы же, соблюдая закон Христа, вашего Пророка, сохраняете и исполняете его так, как угодно каждому из вас: один – так, а другой – иначе». Философ: «Бог наш – как людская глубина, а пророк говорит о нем: “Род его кто изъяснит? ибо жизнь его взята от земли”. И ради поисков его многие сходят в ту глубину и сильные разумом с его помощью, обрета богатство духовное, переплывают и возвращаются, а слабые, как те, кто пытаются переплыть на гнилых кораблях, одни тонут, а другие с трудом едва спасаются, погружаемые немощной ленью. *Ваше же (море) – и узко, и удобно, и может перескочить его каждый*, малый и великий. Нет в нем ничего *сверх обычной человеческой (меры)*, но лишь то, что все могут делать. Ничего (Мухаммед) вам *не запретил*¹. Если не сдержал вашего гнева и желаний, и допустил (их), то в каковую ввергает вас пропасть, мыслящий уразумеет. Христос же не так, но тяжкое снизу вверх возводит, верой и делами Божьими учит человека. Ведь Он, Создатель всего, сотворил человека посередине между зверями и ангелами. И кто к какому началу приближается, становится сопричастным или высшему или низшему» и т. п., но зато Мухаммед – «лжец и погубитель общего спасения», и «лучшие из заблуждений своих изbleвал он на злобу и бесстыдство». Так был создан и трансплантирован в древнерусскую культуру имидж мусульманского пророка (*the image of Muslim prophet*), причем очень долго не претерпевавший сколько-нибудь серьезных изменений [Там же, 64-65].

Заключение

Поэтому следует отметить, что византийцы, имеющие большое количество прописных истин, носящих антимусульманский характер (постановления соборов, рукописные трактаты, церковные проповеди и т. д.), смогли не только познакомить древнерусскую цивилизацию (*ancient Russian civilisation*) с миром ислама на иррационально-образной основе, но и научили некому способу инвариантного приобретения информации об мусульманстве, а также подготовили «теологические и историософские ресурсы» для последующих диалогов с его апологетами [Там же, 63].

Библиография

1. Арабская литература в Испании (андалусская литература) VIII-XIII вв. URL: <http://feb-web.ru/feb/ivl/vl2/vl2-2402.htm>
2. Аринин Е.И., Викулов И.Е., Атабеков Р.Т. Религия между нормативным, маргинальным и девиантным // Религиоведение. 2015. № 4. С. 101-115.
3. Батунский М.А. Россия и ислам. М.: Прогресс-Традиция, 2003. Т. I. 381 с.

¹ Курсив М.А. Батунского.

4. Евгеньева А.П. (ред.) Словарь русского языка. М., 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp>
5. Максимов Ю. Преподобный Иоанн Дамаскин об исламе. URL: <http://www.pravoslavie.ru/4090.html>
6. Максимов Ю.В. (ред.) Византийские сочинения об исламе. М.: ПСТГУ, 2012. 230 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. URL: <http://ozhegov.info/slovar/>
8. Песнь о Роланде. URL: <https://www.school20.by/biblio/5-9/literature/for/P/rolandlong.pdf>
9. Повесть временных лет. URL: http://modernlib.ru/books/letopisec_nestor/povest_vremennih_let/read_4/
10. Сарацин. URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/SARATSIN.html>
11. Сарацины. URL: <https://biograf.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1138593>
12. Ушаков Д.Н. (ред.) Толковый словарь русского языка. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>

**The influence of the Byzantine-European interpretation
of Muslim religiosity on old Russian literature on the Islamic
civilisation (according to M.A. Batunskii, Vol. 1)**

Sabina Sh. Abdullaeva

Teaching Assistant,
Department of philosophy and religious studies,
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
600000, 87, Gorky st., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: amirseiidova@yandex.ru

Abstract

The article deals with the Byzantine-European interpretation of the Muslim religious system in a collective terminological context on the basis of the scientific work "Russia and Islam, Vol. I" by the famous Russian specialist in Islamic studies, historian and philosopher Mark Abramovich Batunskii (1933-1997), where the author describes Islam from the perspective of his academic perception of the image, which helps "to understand the situation in other terms..." (according to M.A. Batunskii), i. e. in the system of scientific concepts, since a careful study of Byzantine and old Russian anti-Muslim literature can reveal a complex aimed at the creation and subsequent evolution of "illusory consciousness", based on repeatedly emerging anti-Muslim stereotypes. The author of the article also makes an attempt to carry out an analysis of other sources that allow him to describe the attitude to Islam demonstrated in literature. The beginning of the article describes the terminology of the Medieval Greek image of Muslim ideology, then the author gives a brief overview of the opinions of some medieval European writers on the concept of Islam, and at the end of the article he investigates the old Russian terminology of the Islamic religion in chronicles, which helps to identify one of the main causes of "negative" and "strange" interpretation of Islam in old Russian literature.

For citation

Abdullaeva S.Sh. (2019) Vliyanie vizantiisko-evropeiskogo tolkovaniya musul'manskoi religioznosti na drevnerusskuyu literaturu ob islamskoi tsivilizatsii (po M.A. Batunskomu, tom I) [The influence of the Byzantine-European interpretation of Muslim religiosity on old Russian literature on the Islamic civilisation (according to M.A. Batunskii, Vol. 1)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (5A), pp. 232-239. DOI: 10.34670/AR.2020.45.5.003

Keywords

Islam, Byzantine literature, European literature, polemicists, anti-Muslim literature, interpretation, concept, old Russian literature, image.

References

1. *Arabskaya literatura v Ispanii (andalusskaya literatura) VIII-XIII vv.* [Arabic literature in Spain (Andalusian literature) from the 8th century to the 13th century]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/ivl/vl2/vl2-2402.htm> [Accessed 22/10/19].
2. Arinin E.I., Vikulov I.E., Atabekov R.T. (2015) *Religiya mezhdue normativnym, marginal'nyim i deviantnym* [Religion among the normative, the marginal, and the deviant]. *Religiovedenie* [Religious studies], 4, pp. 101-115.
3. Batunskii M.A. (2003) *Rossiya i islam* [Russia and Islam], Vol. 1. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.
4. Evgen'eva A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp> [Accessed 22/10/19].
5. *La chanson de Roland*. (Russ. ed.: *Pesn' o Rolande*. Available at: <https://www.school20.by/biblio/5-9/literature/for/P/rolandlong.pdf> [Accessed 22/10/19].)
6. Maksimov Yu. *Prepodobnyi Ioann Damaskin ob islame* [Saint John of Damascus on Islam]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/4090.html> [Accessed 22/10/19].
7. Maksimov Yu.V. (ed.) (2012) *Vizantiiskie sochineniya ob islame* [Byzantine works on Islam]. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University.
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (1992) *Tolkovy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Az" Publ. Available at: <http://ozhegov.info/slovar/> [Accessed 22/10/19].
9. *Povest' vremennykh let* [The tale of bygone years]. Available at: http://modernlib.ru/books/letopisec_nestor/povest_vremennih лет/read_4/ [Accessed 22/10/19].
10. *Saratsin* [Saracen]. Available at: <https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/SARATSIN.html> [Accessed 22/10/19].
11. *Saratsiny* [Saracens]. Available at: <https://biograf.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1138593> [Accessed 22/10/19].
12. Ushakov D.N. (ed.) *Tolkovy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> [Accessed 22/10/19].